

Екатерина Уладышева

Сббй как свобода

Екатерина Гладышева

Сбой как свобода

«Автор»

2026

Гладышева Е.

Сбой как свобода / Е. Гладышева — «Автор», 2026

В мире, где жизнь каждого просчитана и оптимизирована Системой, а решения подсказываются инфоплантом, Кей — безупречный винтик в безупречном механизме. Но один «сбой» — цепочка нерациональных поступков — приводит её в Дикие земли. Там, вдали от контроля, она впервые сталкивается не с данными, а с чувствами. И с человеком по имени Уголёк, который живёт вне синхронизации. «Сбой как свобода» — история о пробуждении личности, где ошибка становится точкой входа в подлинную жизнь, а выбор, сделанный вопреки логике, оказывается единственно верным.

© Гладышева Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Екатерина Гладышева

Сбой как свобода

1

Кей Скипер Азарина оглядела локацию: привычный вид привычно радовал газ.

Она дала команду снять утренний облёт — зона биосинтеза нутриентов — главный источник еды, поставляемой во все Объединённые сектора, такая ответственность требовала ежедневных видеоотчётов, с независимой камеры оператора. Независимая камера для этих целей у Кей и имелась Крылка — старая добрая дрон-камера, бабулино наследство. Крылка за пару секунд погрузила задачу своим древним блоком, расправила пропеллеры и пошла снимать параллели баков-реакторов. Зрелище впечатляющее — ровные ряды шли до самого горизонта, в неизменном стремлении пересечься в неизменно недостижимой бесконечности. Сняла Крылка красиво со всеми подтеками, заплатками и ражвинками на баках, с бликами и царапинами на солнечных панелях, в этом камера была хороша, каждое её видео выдавало сто процентов аутентичности. Ни в один из ее кадров никогда не попадало ничего, что могло бы раскрыть технологические секреты или признаки нарушений этих самых технологических секретов. Словом, каждый смотровик, выдаваемый дрон-камерой был чистейшей квинтэссенцией рабочей эстетики.

Впрочем, место было красивым и без спецэффектов, добавляемых камерой: слева ряды систем пищевого синтеза подпирали синеватые пологие холмы, справа теснил дикий лес, а вдоль старой линии берега, угадываемой по ступенчатым уступам склонов, проступали выветренные полосы осадочных пород, молчаливо отмечая границы реки, когда-то протекавшей здесь. Собственно, река не исчезла, она всё ещё плещется в баках реакторов. Теперь река стала частью системы генерации еды, частью нового порядка.

Сняла камера и её — оператора/ремонт-диагностика, красиво сняла, так чтобы солнце золотило ее рыжевато-русые кудри, нежно отсвечивало на новой расписанной народным орнаментом алой головной повязке и мягким контровым светом обрисовывало ее фигуру в ладно сидящем новеньком рабочем комбезе, словом получился вполне годный утренний видеоряд, такой хорошо пройдет по алгоритмам и получит нужный рейтинг.

Эти съёмки привлекли внимание многих: гармония реакторных рядов, обрамлённых двумя зонами нетронутой природы, обеспечивала устойчиво высокий уровень эстетического удовлетворения. Редкая роскошь — пространство, не занятое солнечными панелями. Такая картинка неизменно радовала глаз: баланс экологичности и технического развития с гарантией наличия еды на завтрашнем столе.

И не просто еды, а чётко выверенной, идеально подобранной под индивидуальные особенности смеси, доступной в любом пищевом диспенсере. Гурманы внимательно изучали различные миксы, прикидывали, какие вкусовые сочетания можно ожидать в текущем цикле, даже делали ставки. Но какие бы добавки ни разнообразили пищевой состав, в каждом глотке биомассы ощущался экологический баланс, ведь производство этой еды не стоило жизни ни одному живому существу, и оставляло стабильно нулевой экологический след.

Кей просмотрела отснятое, добросила случайный звуковой трек из подборки, ткнула в заголовок: «Реакторка дышит ровно» и отправила видео в систему. К этому времени развернулся список рабочих задач. Список был впечатляющим — день обещал быть длинным.

И он был очень длинным. Когда последний рабочий пункт получил отметку «выполнено», красный шар солнца наполовину скрылся за горизонтом. К этому моменту ей и самой

хотелось улечься, закрыть глаза и отключиться — погрузиться в темноту и покой, чтобы вернуться обратно в долину биосинтеза: к бакам-реакторам и солнечным панелям. Вернуться свежей, наполненной энергией нового дня, — и дальше поддерживать безостановочную работу вверенного ей сектора.

Кей любила свою работу. Каждый завершённый этап отзывался внутри неё маленьким толчком удовольствия — так было с детства, с первых обучающих головоломок и много раз после. Рабочий ритм — задача, действие, результат — стал её неотъемлемой частью.

К концу рабочего дня в груди собирался плотный, уютный шар осознания: она сделала всё необходимое и сделала это хорошо.

Обычно Кей набирала пищевой коктейль прямо из диспенсера для проб и съедала вечернюю норму, любуясь закатным небом, вбирая в себя красоту прощальных лучей заходящего солнца. В этот раз она тоже наполнила тубу, но не успела отхлебнуть — появилось оповещение: ещё одна персональная задача, «социализация».

Этот пункт означал необходимость донести своё чувство голода до места, где люди принимают пищу в компании друг друга, дополняя порцию положенных питательных веществ порцией свежих новостей и сплетен.

Ни сплетен, ни новостей ей не хотелось, но правила есть правила. Кей вздохнула, расправила закатанные рукава, оглядела все типы свежих пятен на уже не свежей форме — похоже, следующая съёмка в полный рост будет только после смены форменных комплектов. Она вздохнула ещё раз — всё приходит в негодность: и вещи, и механизмы.

Отправив рабочий отчёт, она пошла к транспортнику. Ехать предстояло долго — раскачиваться в кабинке под лязганье и скрип старого механизма, ни о чём не думать, любоваться оттенками темнеющего неба.

Дорогу домой Кей тоже любила: вечерний скрип транспортника звучал как музыка, приятная физическая усталость приятно сменялась покоем полулежачего положения.

Такое положение не было предусмотрено изначальной конструкцией: изначально предполагался выезд четырёх ремонтников на объект. Но корпорация давно не высылала на объекты четвёрки, так что Кей вытянулась на всю длину сиденья, упёрла ноги в оконную стойку и улынулась не предусмотренному, а оттого особенно приятному комфорту.

Ей предстояло выбрать локацию для ужина. Она попросила систему вывести семь случайных вариантов — оптимально ограниченный выбор.

Пропустила первые две строчки, развернула третий пункт — ресторан «Сотка», сеть точек питания с богатой историей. Изначально его название означало медовые соты, и специализировалось заведение исключительно на сладком. Но потом то ли забор мёда у пчелиных семей сочли неэтичным, то ли изменения климата сократили добычу — словом, эта сладость исчезла из общего доступа, и заведение сменило профиль на точку питания разряда «эконом». А слово «Сотка» стало обозначать цену обеда. Но тогдашние деньги не отличались устойчивостью, и компания довольно быстро сменила концепцию.

Для этого «Сотка» взяла на вооружение новые (на тот момент) пищевые рекомендации, по которым дневной рацион среднего человека должен включать в себя минимум сто граммов протеина, держать баланс по жирам и углеводам, а также соответствовать норме пищевых волокон и чему-то там ещё. Под этой концепцией «Сотка» вытеснила с рынка добрую половину заведений, не последовавших этому пищевому тренду.

Позже рекомендации стали обязательным правилом и вызвали закрытие нескольких крупных точек. А еда в «Сотке» навсегда приобрела вкус победы в конкурентной борьбе, отмеченный сожалением об утраченном разнообразии мест питания. История «Сотки» была длинной, но Кей никогда не просматривала дальше первых пунктов и не встречала никого, кто осилил этот список... Но все знали: «Сотка» есть на каждом углу. Нужна альтернатива пищевым диспенсерам? «Сотка»! Сто баллов из ста. Кажется, это был их последний слоган.

Кроме вездесущей «Сотки» имелось ретро-кафе с пищевыми концепциями прошлого и винтажной вывеской «Код вкуса». Как и все оригинальные концепции, «Код» появился до повсеместного внедрения пищевых диспенсеров и позиционировался как путешествие во времени на кончике языка.

Но на деле все концептуальные нагромождения сводились к шапке декоративной пены на стаканчике со стандартной биомассой. Занятно, но неудобно: эта причудливо навораченная пена норовила свалиться и заляпать все доступные поверхности. Кей попыталась вспомнить хоть одну из историй, приконнекченных к тамошней еде, — ни одна не задержалась в её памяти...

Ещё было «Дрон-кафе». Оно было совсем простым: одновременная зарядка для дрона и его оператора — можно есть, не снимая виар-шлема. Кей шлема не носила, но дроны были хороши тем, что с ними можно вести разговоры посредством общего чата. Процесс можно уложить в пятнадцать минут, но, к сожалению, эта опция даёт только пятьдесят процентов от регулярной нормы социального взаимодействия. К сожалению, эту внезапно возникшую задачу требовалось закрыть сегодня.

Она потеряла виски, помассировала кожу головы, шеи... Что-то — груз усталости — в последнее время стал не то чтобы тяжелее: этот груз не менял своего веса, но стал каким-то более зрелым. Теперь он прочно присутствовал в жизни, как тяжёлый рюкзак, который нельзя снять. Вечерняя тяжесть не разгонялась простыми уловками вроде смены активности или короткого отдыха. Оставалось только её игнорировать...

Следующим в списке было заведение «Ресток» — ещё одно из старых, но давно утративших своё величие. Еда там едва дотягивала до общих питательных стандартов, и то, вероятно, исключительно в день проверки. Но, как всякая еда, не попадающая под определение здоровой — слишком жирная, слишком солёная, слишком ароматная, — она была невероятно притягательна. Её запах пробивался сквозь все барьеры рассудка, минуя фильтры здравого смысла и доходя прямо до древнего отдела мозга, отвечающего за «возьми и съешь немедленно».

Эта еда даже не была вкусной, но в ней была такая высокая концентрация радости и беззаботного безрассудства, что Кей в восьми случаях из десяти выбирала «Ресток». К тому же там не только ели — там ещё играли в настольные игры. Игры требовали меньше ментальных усилий, чем положенный социальными правилами застольный разговор...

«Ресток — ок». Решение стукнулось в голову, отозвалось в сердце — Кей нажала на карте ближайшую точку.

Она прислонила голову к спинке сиденья и прикрыла глаза. Сон был неглубоким: толчки транспортника покачивали пустоту в её желудке, то вырывали из сновидений, то вновь погружали в дрему, вмещая между двумя толчками полное событий сновидение. Сновидение не задерживалось в памяти, оставался только звук — тревожащий «бам» и смутное воспоминание о том, как баки-реакторы бьются друг о друга в такт ударам колёс о стыки рельсов.

2

Гудит-шумит городская площадь! Праздник, праздник! Бесконечный повтор речитатива: ДНК! ДНК! ДНК! День культурного наследия, чтоб его...

Корпорация велела вспомнить предков — ну, вспомнили: бордовая пишемасса в диспенсерах с маркировкой «Борщ», коктейль вечера — «Берёзовый сок», все голограммы — сплошь балалайки да кокошники, яркие, гладкие...

Прошмыгнуть вдоль края площади, затаиться... Штатные аниматоры — расшитые рубахи, улыбки по стандарту 3.7. Видел Я этот регламент — «оптимальная доброжелательность». Кто бы из предков знал, что он жил в таком прошлом!

А вот музыки явно на сдачу дали: кому бубен, кому дудку. Играет, понятно, нейромузлю, но это мы сейчас поправим! Недаром Я — Уголёк! Вот сейчас жару и поддам!

Перехватить поудобней ритмодиск — тяжёлый, большой, не штамповка корпорации. Сам точил, паял, алгоритмы подбирал. Не играет диск — говорит. Говорит так, как ни один нейро-кластер не просчитает. Уж сегодня он скажет — не каждый день корпорация объявляет массовые гуляния!

О, вот и мой праздничный костюм! Незаметно дёргаю с головы сонного зеваки шапку. Хорошая шапка — прорезные узоры золотом по зелени. Снизу — ушанка: мех белый, пушистый. Сверху — колпак, но не жёсткий конус, а мягкий хвост, свисает аж до пояса, на хвосте кисточки-бубенчики — любо-дорого.

Рубаха моя хоть и живёт уж третий цикл, но вполне ещё ничего, а как подлатать — так и четвёртый протянет! Тут главное — цвет: красный, как стоп-сигнал. Такой в комплекте с новой шапкой любому сканеру сойдёт. Считает меня как примерного, экологично-бережливого, ответственного потребителя: одет и в старый шмот, чтоб земля не стонала, и в новый — чтоб экономика не встала.

Теперь можно выбираться из тени. Теперь Я не бродяга-нарушитель. Я — часть праздника. Веселье вибрирует в кончиках пальцев, клубится в горле, требует выхода — песня! Пружинистый, вихревой, выскакиваю на низкий постамент:

— Эй, народ! — голос летит над толпой, звонкий, как удар. — Хей-хой, кто ещё живой? Не по графику-норме, по реальной форме?

Хлопаю по мембране верного диска — «бам!» — звук скачет эхом по площади! Пальцы бегут по полосам-струнам, бросают каскады звенящих нот. Разбегаются ноты сотнями сверкающих осколков.

Заозирались люди, заглядывались. Ловлю любопытство в глазах людей.

— Вот он, настоящий праздник! Чую, хороший улов. Накидают мне мои слушатели штатных туб с корпоративной нутримассой, расщедрятся. А уж с этой массы, да после двойной перегонки, замешаю себе такое пойло — крепкое! Да весёлое! Будет чем до другого праздника развлечься.

— Давай, родной, бей крепче! Бам. Бам. Бам!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.